

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**ПОДГОТОВКА ПОХОДА НА АЗОВ:
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1672–1681 ГОДОВ**

В настоящее время причины и ход русско-турецкой войны слабо изучены в отечественной историографии. Как справедливо заметил Д.Г. Федосов, «даже в определении ее начала в исторической науке существуют заметные разногласия, порой в одних и тех же трудах»¹. Отдельные кампании этой войны до настоящего времени являются «белыми пятнами» военной истории².

Во второй половине XVII в. основными врагами Блистательной Порты были европейские державы – Империя, Венеция и Речь Посполитая. С первой мир был заключен в 1664 г., со второй – в 1669 г. (при этом Турция захватила у Венеции о. Крит). Третья в 1672 г. потерпела от османов серьезное поражение и потеряла хорошо укрепленный Каменец-Подольский, а с ним и всю Подолию. Кроме того, после перехода в подданство Турции гетмана Петра Дорошенко взоры Османской Порты стали распространяться уже на всю Украину³. Дипломатические переговоры русского правительства в 1666–1672 гг. оказались безуспешными. В грамоте, отправленной в 1672 г. с посольством В.А. Даудова в Константинополь, Турция усмотрела лишний повод к началу боевых действий⁴.

С целью создания антитурецкой коалиции из Российского государства в Западную Европу (в Империю, Англию, Францию, Испанию, Швецию, Данию, Голландию) были отправлены посольства⁵.

Стремясь сохранить за собой Киев, Россия заключила и ратифицировала договор с Речью Посполитой, согласно которому предполагалось пачать совместные военные действия против Порты. В октябре 1672 г. царь Алексей Михайлович объявил Османской

империи войну: «идтить своею государскою особою против неприятеля своего, Турского салтана... и для нашего государьского походу указали мы, великий государь, строить в Путивле наш государьской двор и наши государьские дворцовые обиходы и всякие запасы отпускать в Путивль нынешнем зимним путем, не отлагая до иного времени»⁶.

В центральном военном ведомстве – Разрядном приказе – был составлен план ведения боевых действий против турок и крымских татар⁷. Тогда же донскому казачеству была послана царская грамота, в которой предписывалось донцам готовиться к походу на турок и крымских татар⁸.

Согласно планам развертывания вооруженных сил предполагалось, что солдатские и конейно-рейтарские полки Белгородского разряда под командованием воеводы Г.Г. Ромодановского при поддержке казаков И. Самойловича двинутся на Правобережную Украину; в это время войска князя К.М. Черкасского с калмыками Аюка-тайши должны были громить крымские улусы у Перекопа. Но основной удар намечался на Азов. К турецкой крепости должны были идти главные силы под командованием царя Алексея Михайловича.

С ноября в Воронеже и Калуге началось крупное строительство речных судов-«дощачиков» (транспортных судов), 30 больших (морских) и 30 «чернопроточных» (каботажных) стругов для перевозки ратных людей. На верфи под Лебедянью был командирован мастер Яков Полуектов⁹.

Главной военной базой для планируемого большого похода в турецко-крымские владения был Путивль. Сосредоточение боеприпасов и крупнокалиберной артиллерии на южном рубеже «по турецким вестям» в этом городе было не случайно. Путивль являлся крупным административным и военным центром Северной земли, на котором замыкалась сторожевая служба «в поле».

Дело из Российского государственного архива древних актов о транспортировке наряда, несмотря на то, что оно сохранилось в очень плохом виде (часть составов спило и объедено мышами), позволяет в некоторой степени проследить организацию похода тяжелой артиллерии¹⁰. В столбцы № 741 Белгородского стола входят черновики царских указов и наказов (исходящая документация), отправленных воеводам, межприказная переписка («памяти» в Конюшенный, Стрелецкий и др. приказы) и отписки воевод,

пришедшие в Разряд гонцами (входящая документация). В материалах дела имеются интересные свидетельства о снаряжении и материальной части артиллерии «по иноземному образцу». В других документах Белгородского стола содержатся сведения о планах командования и комплектовании войсковых частей¹¹.

Период подготовки сопровождался массовым набором солдат и интенсивным сыском «нетчиков»¹². Планировалось создать несколько сводных солдатско-стрелецко-драгунских корпусов. Весной 1673 г. из городских стрельцов формировался сборный отряд, в состав которого выделялась третья часть стрелецких гарнизонов южнорусских крепостей.

Вообще в период 1672–1676 гг. в недрах военных ведомств рассматриваются проекты формирования значительного числа стрелецких частей. По планам в 12 «тысячных» (т. е. численностью около 1000 ч.) приказах должно быть на вооружении «240 пушек полковых», а в 20 «пятисотенных» приказах – 100 орудий¹³. Следует отметить планы формирования не только новых сводных приказов, но и целых пехотных корпусов. Например, предполагалось создать 2 воеводских полка, состоящих из стрельцов¹⁴.

«В полку боярина и воеводы»:

1 «тысячный» (1000 ч.) приказ: 11 пушек,

3 «семиотенных» (2100 ч.): 24 пушки,

18 «пятисотенных» (9000 ч.): 108 пушек.

Всего: 12100 ч. стрельцов и 143 пушки.

«У товарища»:

2 «семиотенных» (1400 ч.) приказа: 16 пушек,

12 «пятисотенных» (6000 ч.): 72 пушки.

Всего: 7400 ч. стрельцов и 88 пушек.

Но некоторые из проектов поражают своим гомерическим размахом. Так, были планы формирования стрелецких соединений в 23 приказа (151 пушка) и даже в 63 приказа (411 орудий)¹⁵ «Тысячные», «семиотенные» и «пятисотенные» приказы сводились в 4 оперативных полка – большой, передовой, сторожевой, ертаульный.

Но грандиозное военное строительство не могло быть осуществлено – сформировать и обеспечить всем необходимым такое количество пехотных соединений в условиях того времени было нереально. Тем не менее в 1670-х гг. из стрельцов, драгун и солдат удалось создать несколько сводных отрядов в «Низовой земле».

К началу 1673 г. в Москве был подготовлен «большой галанский наряд», в состав которого входили тяжелые орудия, закупленные в Голландии. Перед отправкой все пищали были испытаны на Ваганьковском полигоне («под Ваганьковом») еще 21 января того же года в присутствии иностранных представителей – датского резидента и персидских послов. «Голанки» (иногда в официальной делопроизводственной документации так ласково назывались голландские орудия) своей стрельбой произвели настоящий фурор.

Вообще стрельба разрывными гранатами из длинноствольных орудий испытывалась еще в 1660-м, когда при артиллерийской лаборатории – Гранатном дворе – была создана школа по подготовке «огненных стрельб». Руководил обучением «датския земли полковник и инженер и гранатный мастер» Николай Бауман (Бовман)¹⁶. Известно, что тогда же в солдатско-артиллерийский полк датчанина был переведен специалист «Исачка из Могилева» (крещеный еврей, в православии Яков), который был «научен совершенно огнестрельным и гранатным делам, и из верховых и из длинных пушек гранаты стрелять укажет» (выделено мной. – Прим. авт.). Да ему ж, Якунку, дана для ученья огнестрельных и гранатных дел и для всяких тайных промыслов немецкого языка печатная книга¹⁷. К 1672 г. в действующей армии находились лучшие специалисты «огнестрельного и гранатного дела», такие как Л. Линенберг, И. Цудерланд, Ю. Красновский и др., ранее проходившие обучение в той же части Н. Баумана¹⁸.

Московские пушкари на стрельбах удачно поразили все мишени-«срубы». Датский резидент Магнус Ге, присутствовавший на полигоне, говорил: «...пушек и меньших гранатов видал многожды, а таких больших гранатов не видал» и «если б де из тех гранат была стрельба почью, далече б лучи показались». На испытаниях было также отмечено: «...Прежде сего делали такие гранаты немцы, а к нынешней стрельбе гранаты делали русские люди, и служат те гранаты лучше у русских людей, нежели иноземцев». Резидент в свою очередь информировал русских, что турки де «научились в Кашдиди стрелять из гранатов и из иных многих огненных художеств». Приглашенные на испытания донские казаки с атаманом Флором Минаевым «смотрев галанок и меньших пушек, что на станках, хвалили их и говорили, что хорошаго мастерства, и на голанках прочитали подписи, сколько пороха и ядра к ним весу». Разрывные ядра

голландских пищалей заключали в себе большую разрушительную силу, недаром казаки просили прислать такие орудия со снарядами на Дон: «каковы де ни крепки Азовские стены, от тех пушек сотрясутся»¹⁹.

После испытаний «голландский наряд» был подготовлен для отправки в Путивль. Указом Алексея Михайловича от 21 марта 1673 г. было велено для «государского походу послать в Путивль по турским вестям (выделено мной. – Прим. авт.) галанской большой наряд дватцать пять пищалей»²⁰. Маршрут протекал следующий: «зимним путем» на подводах до Калуги («наспех, безо всякого мотчания ... до поляя воды», т.е. до половодья), где под наряд готовились большие струги («струги под тот наряд и подо всякие пушечные запасы велено изготовить сколько надобно в Калуге воеводе Семену Челосткину»), затем «как даст Бог, реки пройдут и водной путь очистится ... и с тем нарядом ис Калуги итти плавью в судех Окою рекою до Белева и до Орла по первой полой воде..., а с Орла до Путивля тот наряд вести на ямских подводах, а за подводы ... давать прогонные деньги по указу»²¹.

Для артиллеристов на каждой «голанке» были вычеканены соответствующие надписи, «сколько пороха и ядра к ним весу». По плану предполагалось выделить для похода тяжелые орудия от 30 до 55 фунтов калибром²², но по указу царя был отобран «голландский наряд» только из 24 пищалей калибром от 6 до 30 фунтов. В артиллерию Пушкарский приказ также включил 1 крупнокалиберную русскую пушку под именем «Перо», взятую ранее с арсенала Быхова. Артиллерийская часть получила официальное наименование «Большой галанский наряд», а возглавил ее бывший якутский воевода, князь и окольный Иван Петрович Барятинский²³, товарищем к нему назначен дьяк Семен Румянцев.

Роспись Большого голландского наряда 1673 г.²⁴:

1. Пищаль быховская «Перо» калибр 28 гривенок ядро, длина ствола 5 аршин 5 вершков, вес 250 пудов.
2. Шесть пищалей голландских калибром по 30 фунтов с длиной ствола 4 аршина без вершка и весом от 156 до 162 пудов.
3. Четыре пищали голландских по 25 фунтов (?) с длиной стволов от 4 аршинов до 4 аршинов 2 вершков и весом от 144 пудов 25 фунтов до 151 пудов.
4. Пищаль голландская калибром 20 фунтов, длина ствола 4 аршина пол вершка, вес ствола 150 пудов.

5. Семь пицалей калибром 8 фунтов длиной стволов около 4 аршинов, весом от 85 до 91 пудов.

6. Пицаль калибром 12 фунтов, длина ствола 4 аршина 2 вершка.

7. Пять пицалей калибром 6 фунтов, длиной ствола 3 аршина 5 вершков и весом от 52 до 53 пудов.

Всего в 25 пицалях, «которые отпущены великого государя походу, весу 2950 пуд 15 гривенок... в станках и в вертлугах и в дышлах и в дровнях весу 4200 пуд. Да под тот наряд и под станки пушечного строения дано 300 подвод ямских, да к тому ко всему наряду пушечные ядра и зелье и колеса присланы будут в стругах водою»²⁵. На каждое орудие выделялось по 100–150 ядер²⁶.

Чтобы иметь представление, что это были за орудия, следует обратить внимание на один экспонат ВИМЛИВиВС (инв.№ 09/43). Это отлитая по заказу русского правительства 125-мм голландская пицаль весом 1482 кг. На стволе помимо автографа мастера («Ассевеус Костер меня сделал, Амстердам, в год 1635») имеется изображение российского герба – двуглавого орла под степенным крестом и чеканная надпись кириллицей: «ядро 15 гривенок, весу 87 пуд 25 гривенок».

Для обеспечения охраны, а также прикрытия артиллерии во время боя был выделен сводный пятисотенный полк из 360 московских и 130 городовых (старицких, тверских, ржевоволодимирских и др.) стрельцов под командованием головы Ивана Волжинского и пяти сотников. Всего из Стрелецкого приказа было послано: 130 ружей и столько же «капальств бацделер с ремьи», пороху по 5 фунтов человеку, «да свинцу, фитилю против пороху»; 8 «знамен тафтяных з древки и с токи, и в том числе первое знамя ткане золотом», 18 барабанов, 16 алебард, 48 «протазанов нарядных золоченых с кистями». Подъемных денег городовым стрельцам выделено «по рублю человеку»²⁷.

Во время транспортировки все стволы накрывались чехлами, а стрельцы с ружьями, бердышами и протазанами шли справа и слева от артиллерийской колонны. Во время остановок стрельцы тщательно караулили вверенное им имущество. После прихода в Калугу князь Бярятинский приказал «голове московских стрельцов Ивана Волжинского у того наряда поставить стрельцов и беречь накрепко и сторонних людей... припускать пиково не велели»²⁸.

К весеннему походу 1673 г. мастера Оружейной палаты подготавливали «большое государево знамя» – подклеили и подшили

разорванные прежде места. Размеры стяга были следующие: длиной «по десять аршин, в ширину по пяти аршин» (710 x 426 см). Подробных описаний большого знамени «галанского наряда» не сохранилось, известно только, что оно было «ткане золотом», а хранилось в чемодане «червчатого сукна»²⁹. Как правило, знаменосцами служили молодые и рослые дворяне. К большому знамени были приписаны два прапорщика «рейтарского строю» Андрей Романовский и Яков Голдышев.

Вместе со знаменем в походе везли большую полковую икону «Образ Архангела Михаила». Издавна Архангел Михаил считался покровителем воинов, образ «Архистратига Господня» часто изображали на знаменах. Так, на знамени Д.М. Пожарского изображена сцена из библейского сюжета – явление Архангела Михаила Иисусу Навину.

Помимо большого стяга у подразделений «государева наряда» артиллерийских батарей из 3–5 орудий – имелись свои пушкарские прапоры. В собрании Оружейной палаты сохранились два артиллерийских прапора. На одном из них имеются «шестокрылые херувимы», изображения Иоанна Предтечи и св. Петра. В откосах нарисованы золотые львы, держащие в передних лапах золотые пушки. Надпись в клеймах чернилами: «Образ креста, являющегося на небеси благоверному царю Константину и глас с небеси бысть, Константине, сим побеждай враги. Пролог мая в 6 день». На втором прапоре с обеих сторон в лавровом венке нарисованы скрещенные пушки, одна золотая, другая серебряная, между пушками четыре ядра: два золотых и два серебряных. Надпись на полотне гласит: «Я храброую зычю»³⁰.

Двадцать пять орудий сопровождало такое же количество лучших артиллеристов из Москвы – участников показательных стрельб на Вагалькове в январе 1673 г. Из Пушкарского приказа им были выданы красные кафтаны и аламы. Вообще о служилом платье пушкарей известно немного – в документах Белгородского стола сведения скуны. Составить общее впечатление о пушкарском обмундировании могут материалы Пушкарского приказа 1660–1690-х гг. В справке денежного стола, к примеру, отмечено: «Во 168 году 416 человек на курты сукна по пол 5 аршина человеку. А во 190 и во 199 годех 521 человеку для вечного миру и христианского покою с полским королем по сукну человеку, в том числе старым 57 человеком по сукну агацкому мерю по пол 5 аршина, молодым

166 человек по сукну шипуловому мерою по 5 аршин человеку, а достальным, которые на Москве и которые на службе, женам их дано вместо сукна денгами. Старым пушкарем вместо аглинских по 2 рубли по 11 алтын по 2 деньги человеку, молодым пушкарем вместо шипуловых по рублю по 19 алтын по 1 деньге человеку»³¹.

Кроме кафтанов московские артиллеристы имели капоширекие куртки («сурты»), появившиеся как элемент формы одежды в 1660-х гг.³² Среди защитного вооружения упоминаются островерхие шапки и железные пагрудники.

В помощь московским пушкарям по государеву указу было велено из Лихвина, Белева, Болхова, Корочи и Севска прислать с каждого города по «десяти человек добрых, которым пушечная стрельба была за обычай»³³. Для пятидесяти городовых пушкарей с обозом были посланы комплекты снаряжения и обмундирования: 50 протазанов простых, 50 пагрудников железных, 50 шапков железных, 50 голубых кафтанов с «теплыми ожерелки» (меховыми воротниками), 50 шапок белых «с лисицами чернобурыми», 50 «кушаков кидячных красных» и 50 пар аламов-зерцал.

Из Москвы Пушкарский приказ послал также «двадцать два пальника и в том числе один четверной пальник, четыре пальника тройных стальные, семнатцать пальников двойные»³⁴. Пальник представлял собой древко, на одном конце которого закреплялся фитиль. Крепления фитиля были выполнены в фигурном исполнении в виде двуглавого орла или змеи.

Таким образом, описи имущества московских и городовых пушкарей 1673 г. позволяют значительно подкорректировать реконструкцию пушкарского снаряжения, выполненную 13 лет назад Р. Паласиос-Фернандесом³⁵.

Во-первых, у пушкарей был защитный островерхий плем – «шипак железный», а не «шапка железная», изображенная на реконструкции. Во-вторых, головным убором являлась белая шапка с опушкой из чернобуры лисицы. В-третьих, голубые кафтаны имели «ожерелки» – меховые воротники. В-четвертых, обратим внимание на следующую особенность – каждому пушкарю было дано в качестве защитного доспеха по пагруднику и по паре аламов, которые крепились на груди и на спине с помощью «помочей» или «перевесэй», специальных крепежных ремней. Остается неизвестным, могли ли крепиться аламы поверх плоских железных пагрудников, хотя последнее маловероятно.

Начальным людям полагалось два кафтана желтых, два полукафтаны кумачных холодных, две шапки красных с лисицами чернобурыми»³⁶.

Вместе с московскими пушкарями с парядом выступили 25 специалистов «огнестрельного и гранатного дела» – «гранатчики», наряжающие разрывные гранаты, и «зелейные учепки», готовившие взрывоопасные смеси и следившие за удовлетворительным состоянием пороха³⁷.

Итак, был задуман широкомасштабный поход на мощную турецкую крепость Азов. Ударная часть царской артиллерии была заблаговременно отправлена в Калугу, а в Москве тем временем формируются крупные воеводские соединения, говоря по-современному – дивизии. В состав «государева полка», куда входил 9-тысячный пехотный корпус³⁸, помимо отправленных 25 «голландских пицалей», были включены 44 крушых орудия и 121 полковая пицаль. В «боярском» полку (14500 пехоты) должно было насчитываться 110 пицалей полковых, 7 пицалей голландских и 15 «пицалей резапских», в отдельном корпусе И.А. Хованского – 29 пицалей³⁹. По указанным соединениям еще предстояло сформировать. Пока шли мероприятия по сбору войск, московские орудия были поставлены «у места складского двора».

Из Воронежа на судах был отправлен первый русский «пизоной» корпус воевод И.С. Хитрово и Г.И. Косагова в составе 2 солдатских полков и 8 стрелецких приказов (всего до 8000 ч.). На левой стороне Дона, у Черкаска, солдаты и стрельцы построили «городок» – временную базу для похода⁴⁰.

Тем временем 1 апреля 1673 г. «большой голландский паряд» прибыл в Калугу. Тут оказалось, что развернуть государево большое знамя невозможно, потому как ветхие места стяга, насних починенные мастерами Оружейной палаты еще в Москве, «ветром издрало»⁴¹. Кроме того, под «большим парядом, – писал в отписке И. Барятинский, – сани и великие станки дорогою переломались все без остатку и верхние станки и железные вертлогги подо многими пицалями переломались же, а шпие попортились и копаты и варовые веревки...»⁴².

В Калуге князю Барятинскому пришлось столкнуться с противодействием воеводы Семена Челюсткина. Оказалось, что стругов, которые должны были быть подготовлены к дальнейшему походу, попросту нет. Отсутствие водного транспорта воевода объяснил тем,

«что те отписные суды полою большою водою спесло на низ и вестей про них нет, а в остатке, государь, сказал он, Семен, только четыре судна больших кореневых и те де суды дале Колуги не входят и кормщиков и гребцов без твоего великого государя указу дать не хочет и во всем отказывает». Воевода также отказался снабдить проводником и лошадыю гонца в Москву. «И в том, – писал И. Бярятинский, – учинилось молчание и впредь (Семен Челосткин, – *Ирим. авт.*) отказал, под гонцов с отписками подвод и проводников давать не хочет»⁴³.

Во время простоя начались побег ямщиков из состава выделенных вспомогательных сил, ибо транспортировка такого вооружения всегда тяжким бременем ложилась на «пушечных извозчиков». Через месяц произошло дурное предзнаменование: заболели лошади, которые везли полковую икону – «образ Архангела Михаила», вначале одна, а затем еще 20 лошадей, «и в стадо пустить их не мочно, а конских мастеров в Колуги нет, и впредь образ Архангела Михаила вести до Путивлю не на чем»⁴⁴. Набожный царь Алексей Михайлович всерьез отнесся к этому происшествию, ибо заболели только лошади, везшие Святой образ. И хотя в Копышенский приказ был послан указ о присылке новых лошадей, то уже тогда многим из царского окружения стало ясно, что знамение это ни к чему хорошему не приведет. В конце весны были получены разведывательные сведения о том, что противник спешно укрепляет Азов. О готовящемся весной походе туркам сообщили два пленных донских казака⁴⁵. Уже в мае 1673 г. в крепость принесли 33 галеры со 1500 янычарами, а в августе того же года еще 25 галер с пехотой. Для предосторожности турками были выжжены камыши на десять верст от крепости. Чтобы отвлечь сбор русских сил, крымские татары предприняли несколько набегов на Белгородскую черту. Особенно интенсивно они атаковали «в лоб» участок черты между Новым Осколом и Верхососенском⁴⁶.

Постоянные неудачи, сопровождающие поход, долгая задержка в Калуге, внезапно вспыхнувшая болезнь лошадей, а также и то обстоятельство, что туркам стало известно о намерении русских идти под Азов, – все эти факторы вынудили царя Алексея Михайловича прекратить поход. В 1673 г., несмотря на объявленную войну, к широкомасштабным боевым действиям с могущественной Оттоманской Портой Россия была не готова. Но уже через 3 года, в 1677–78 гг. противостояние двух государств вылилось в жестокие, изнурительные бои

за Чигирин⁴⁷. Простояв до зимы 1673/1674 гг. в Калуге, князь Бярятинский получил приказ возвращаться в Москву. Почти все пушкарское и стрелечное снаряжение – аламы, пальники, протазаны, знамена, барабаны «и ружья, и всякого ратного строю» – были доставлены обратно в Пушкарский приказ «з головою московских стрельцов с Ываном Волжинским»⁴⁸. Воевода оставил в калужском арсенале «50 пищаков железных, 50 нагрудников железных, 48 протазанов парядных золоченых с кистями, 50 протазанов простых». Именно это имущество и упоминается в описи Калуги спустя пять лет, в 1678 г.⁴⁹

Боеприпасы были распределены по сопредельным городам. Часть пороха была передана «к полковым медным пищалем» в стрелечские приказы И. Грибоедова и Р. Ефимова «по пятидесяти выстрелов, по весу пушечного сорок пуд пятнадцать гривенок, да ручного семдесят три пуда»⁵⁰.

В указе от 7 января 1674 г. писалось: «Указали мы, великий государь тебе, окольниковому нашему и воеводе ис Колуги ехать к нам, великому государю, к Москве, а нашего государева походу паряд большой, и того паряду пушечные всякие запасы оставить в Колуге и отдать осадному воеводе Семену Челосткину, а начальных людей всех..., которые ныне с тобою в Колуге отпустить к Москве а в котором числе к Москве приедешь и ты б про приезд свой велел объявить в Розряде...»⁵¹.

«Галанский паряд» был оставлен в Калуге на складе. Для охраны артиллерии выделено до 30 стрельцов (в документе отмечено – «холостых») под командованием полуголовы В. Волжинского и сотника А. Парферьева. Остальную пехоту велено «отпустить по городом по прежнему в дома свои». Знамена, аламы и вооружение князь Бярятинский сдал в Пушкарский приказ 31 января 1674 г.⁵²

Итак, «государев поход на турецкого султана» с участием самого царя так и не состоялся. Тем не менее сформированные в «Низовой земле» воеводские полки были выдвинуты к турецкой крепости. Корпус воеводы И.С. Хитрово, лишенный осадной артиллерии и имея в наличии только «средние» и «полковые» пищали, все же попытался штурмовать Азов 5 августа. В составе штурмовавших Каланчинских башен было 4912 ч. солдат и стрельцов и примерно столько же донских казаков атамана Корпилия Яковлева. Инженер Альбрехт Шневец в 300 сажнях от башен устроил редут и шанцы. На позициях были размещены 22 пушки, которые начали трехнедельный обстрел каланчей. Верхние и средние батареи

турок были сбиты артиллерийским огнем, а единственная вылазка турок закончилась неудачей. Но взять башни так и не удалось. Бой показал, что даже при интенсивном огне артиллерии взять каланчи достаточно сложно: укрепления окружали глубокий ров с водой и высокий вал. Но кроме того, как отметил инженер А. Шневец, низменное и песчаное место перед башнями часто затопливается водою «человеку в пояс и больше»⁵³. После неудачной осады русские отопли в свой «городок»⁵⁴.

Подготовка похода 1673 г. представляет несомненный интерес с точки зрения военного дела XVII в. Перед нами четкое планирование операции: директивы воеводам и инструкции начальным людям, организация базы и снабжения, транспортировка артиллерии и боеприпасов, расчет продовольствия на ратных людей на «постные» и «мясные» дни. Документы Белгородского стола 1673 - 1675 гг. – важный источник по изучению военного строительства и военных мероприятий в заключительный период царствования Алексея Михайловича.

¹ Федосов Д.Г. Полковник и инженер против Блистательной Порты // Гордон Патрик. Дневник 1676–1677 гг. М., 2006. С. 133.

² Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. II. М., 1946; Водарский Я.Е. Новосельский А.А. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955; Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной, и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 108–109; Фанзов С.Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Саратов, Вып. 5. 1993. С. 100–102; Богданов А.П. Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61–71.

³ Смирнов П.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ. Вып. 94. М., 1946. С. 112–113.

⁴ Там же. С. 122–124.

⁵ Бантыш-Каменский Н.П. Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. 1. С. 120, 121, 188.

⁶ Дополнения к Актам историческим. Т. VI. № 64. СПб., 1852. С. 253.

⁷ В течение 1673–1676 гг. разрабатывались планы вторжения в Крым. Подробнее см.: Максимов Н.Н. Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676 гг.) // Славянский сборник... С. 77–90.

⁸ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 285.

⁹ Он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 82.

¹⁰ Этот вопрос мы затронули ранее в своей статье: Лобин А.Н. «Большой голландский парад»: опыт организации артиллерии по иностранному образцу в 1650–1680-х гг. // Военное прошлое России. Материалы международной научной конференции ВИМАИВиВС. Ч. 3. СПб., 2006. С. 10–14.

¹¹ Например: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбы Белгородского стола. № 770.

¹² Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 557.

¹³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. Ст. 770. Л. 85.

¹⁴ Там же. Л. 86–87.

¹⁵ Там же. Л. 87–94 и др.

¹⁶ Лобин А. «Против недругов стоял и бился мужественно»: Датский офицер на службе у русского царя // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2006. № 11. С. 90–93.

¹⁷ Фельдман Д.З. Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии во второй половине XVII в. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 151.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 532. № 1791. Л.1–3; № 1792; № 1793.

¹⁹ Дополнения к Актам Историческим. Т. VI. СПб., 1857. С. 254.

²⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 86.

²¹ Там же. Л. 146.

²² Ранее в нашей статье мы указали на эти калибры, но в процессе более обстоятельного изучения дела было выяснено, что в реальности в поход отправлялись орудия от 30 до 6 фунтов калибром (Лобин А.П. «Большой голландский парад»: опыт организации артиллерии по иностранному образцу в 1650–1680-х гг. // Военное прошлое России. Материалы международной научной конференции ВИМАИВиВС. СПб., 2006. Ч. 3. С. 14).

²³ В Якутске он был воеводой до 1669 г. См.: Сказка казака Якутского острога Степана Щербакова // Колонвальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. № 87. С. 148.

²⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 102–106.

²⁵ Там же. Л. 107–108.

²⁶ «На 25 вышались, что отпущены преж сего в Колугу ... по 100 и по 150 выстрелов» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. Ст. 770. Л. 37).

²⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 91–93.

²⁸ Там же. Л. 146.

²⁹ Там же. Л. 94, 215.

³⁰ Яковлев Л. Русские старинные знамена. Древности русского государства. Дополнения к III отделению. М., 1865. С. 60. № 3720; С. 63. № 3726.

³¹ АСНБ ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 329. Л. 14об.–15.

³² Сохранился документ от 2 августа 1660 г. – «роспись снастей, отправленных из Пушкарского приказа полковнику Николаю Бодману». На обороте росписи содержится письмо начальнику артиллерийского ведомства Ю.И. Ромодановскому о приобретении стрелеских кафтанов и «куртонов» для отправки в полк пушкарям (ОР РНБ. Ф. 532. № 1364. Л. 1об.). В деле от 3 июня 1661 г. упоминается о краже «пушкарской курты красного сукна» у пушкаря Романа

Консва (Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальном период своей истории. С. 420).

³³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 50.

³⁴ Там же. Л. 89–97.

³⁵ Паласиос-Фернандес Р. Московские пушкари // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 9.

³⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 89–90.

³⁷ Там же. Л. 110–111.

³⁸ «Дано 9000 ч. пехоты по 25 выстрелов, а положить им по фунта по 9 и по 12 выстрелов» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 770. Л. 37).

³⁹ Там же. Надо заметить, что все полковые инициалы были одного калибра 2 фунта. О производстве одноступенчатых 2-фунтовых орудий см.: Лобин А.Н. Состояние полковой артиллерии к началу царствования Петра Первого: к вопросу о преемственности развития артиллерийского вооружения конца XVII – начала XVIII вв. // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции 12–14 мая 2004. Ч. II. СПб., 2004. С. 37.

⁴⁰ Загоревский В.П. Изюмская черта. С. 79. С. 81–82.

⁴¹ РГАДА. Ф.210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 143–144.

⁴² Там же. Л. 146–147.

⁴³ Там же. Л. 144.

⁴⁴ Там же. Л. 188.

⁴⁵ Загоревский В.П. Белгородская черта. С. 285.

⁴⁶ Он же. Изюмская черта. С. 79.

⁴⁷ См.: Седов П.В. Оборона Чигрина в 1677 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. ст., посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 486; Косищенко Н.И. Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб., 1911.

⁴⁸ РГАДА. Ф.210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 200.

⁴⁹ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. С. 219–314. № 106.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 741. Л. 191–192.

⁵¹ Там же. Л. 209.

⁵² Там же. Л. 215.

⁵³ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 293–295.

⁵⁴ Загоревский В.П. Изюмская черта. С. 83.